

````htmlКогда Лин Ци Мин вернулся с Тиффаной и Лин Сяньин, он едва узнал свое собственное поместье. Кровавые пятна и irregularные дыры на стенах, а также пулевые отверстия, почти пробившие толстые кирпичи, говорили о том, что здесь совершенно недавно разгорелась жестокая, но короткая битва. Охранники даже использовали пушки Круппа. В воздухе витал слабый запах пороха, смешанный с запахом крови и незнакомым телесным потом. Судя по следам кровопотери и распространению аромата, безумец, осмелившийся напасть на усадьбу Линов, все же вырвался на свободу. За этим тянулся и другой знакомый запах — Джеймса Хауэллта. После того как он вернул двух удивленных женщин в виллу, Лин Ци Мин встретился с Давидом Пэтаром, который пришел просить прощения, в своем кабинете. — Скажи мне, что произошло за те несколько часов, пока меня не было? — спросил он, его лицо было серьезным, а глаза холодными. — Противник, которого вам не удалось остановить даже с помощью пушек Круппа, должен быть очень силен, так что я не могу вас винить за неудачу, но как вы могли так легко выпустить его в усадьбу? Давид Пэтар, склонившись на одно колено и не смея поднять голову, честно рассказал о причинах и последствиях битвы, а затем опустил взгляд, ожидая наказания. — Он применил тактику отвлечения, использовав маскировку, похоже, Саблезубый не дурак! — продолжал он, обдумывая слова. Согласно странной реакции Джеймса Хауэллта и описанию его заместителя, Лин Ци Мин определил, что вор — это Саблезубый Виктор Логан, сводный брат Росомахи. Обычные люди не вызовут особой реакции Росомахи и не смогут убежать из поместья Линов, если в них не будут пробиты грудь и голова. Лин Ци Мин слегка постучал пальцами по столу; этот ритмичный звук эхом раздавался в кабинете. Он немного поразмыслил и произнес: — Ваша должность заместителя командира теперь аннулирована. Возвращайтесь на службу рядовым и учитесь заново. Когда научитесь гибко реагировать на чрезвычайные ситуации, я подумаю о восстановлении. — Я также конфискую вашу полугодовую премию и месячную зарплату у солдат, оставшихся позади, в наказание за вашу неудачу не остановить врага у ворот. Вы это принимаете? Давид Пэтар облегченно кивнул и громко ответил: — Да, мой Лорд, я согласен! Он ожидал, что его прогонят из поместья, но лишение должности заместителя командира стало облегчением. В сравнении с последствиями командных ошибок это наказание было довольно легким. Хотя Давид Пэтар огорчился из-за конфискации полугодовой премии, он понимал, что это не доведет его семью до бедности. Просто это ударило по 500 братьям, остававшимся в усадьбе, и вычитание месячной зарплаты было достаточно тяжело воспринимать. Лин Ци Мин немного кивнул и махнул ему в сторону. — Хорошо, можете идти. После объявления решения о наказании передайте это Ли Лоаде. В будущем, когда я буду в Миссисипи, такие проблемы недопустимы, иначе в следующий раз наказание будет намного суровее. Я разорву на куски офицеров и солдат, допустивших ошибки, на глазах у всех! Давид Пэтар, который только что встал, снова чуть не упал на землю из-за слабости колен. Холодный пот потек с его лба на пол, и он, смущенный, поспешил уйти. Лин Ци Мин потер виски и осознал, что быть главой крупной силы — задача не из легких. Наказания за ошибки подчиненных необходимы; без дисциплины не будет порядка. Иначе многие начнут думать, что ошибки допустимы. Долгосрочно это приведет к потере авторитета, ослаблению военной дисциплины и провалу командования. И слишком жесткие наказания тоже не лучший выход. Пока более двух тысяч охранников могут убивать и поджигать для него, только Ли Лоа и его верные друзья действительно преданы. Если наказания будут слишком суровы, это может рассеять их верность, и даже не дождавшись бунта, они могут покинуть его в поисках лучшей доли. — Нам все еще нужно продолжать обучение. Возможно, мы сможем вырастить новое поколение охранников, и если они с детства будут под влиянием Ли Лоа и других, нам не составит труда воспитать преданную армию. Как только Лин Ци Мин задумался, в воздухе вновь появился сильный запах крови. Он только собрался взглянуть в ту сторону, как в дверь кабинета постучали. — Брат Лин, я слышал, ты вернулся. Могу войти и поговорить с тобой? За дверью стоял Джеймс Хауэллт, весь в крови, с глубокими ранами по всему телу. Его нос выглядел так, словно его откусило какое-то чудовище, а по лицу, почти от глаз до подбородка, прошла глубокая царапина. Один его глаз стал серым и мрачным. — Проходи, дверь не заперта,

врагов не чувствую. Ты проиграл битву?— Я слышал от Давида, что, когда ты уходил, ты сказал, что хочешь принести голову врага...Как только дверь открылась, Лин Ци Мин увидел его жалкое состояние и замер. Хотя Джеймс Хауэлл был слабее Виктора Логана, он не был настолько бессильным, чтобы не сопротивляться. Судя по этому, второй, вероятно, был серьезно ранен.— Прости, брат Лин, я думал, что смогу легко его одолеть, но в итоге не смог осмелиться его убить!— Я все еще помню, что на своем пятом дне рождения мои родители забыли о нем. Только он, О'Хара и дедушка вспомнили об этом. Я дважды отмечал свой день рождения в тот день.— Поэтому прошу прощения за свою мягкость. Обещаю, что в следующий раз не буду проявлять жалости!Смотря на своего друга, который склонил голову, будто совершивший промах ученик, Лин Ци Мин не мог сказать ничего резкого. Он только подошел и молча положил ему руку на плечо.— Мужчина должен быть ответственным за свои решения. Ты помнишь, как легко его отпустил в детстве, но Виктор Логан может не помнить тех давних воспоминаний.— Надеюсь, твоя минутная слабость не приведет к непоправимым сожалениям!— Не ходи к дедушке позже; он будет грустить, увидев тебя в таком состоянии. Если он спросит, я помогу тебе скрыть это.Правый глаз Джеймса Хауэллта наполнился благодарностью; он решил, что в следующий раз, когда встретит Виктора Логана, не будет проявлять жалости.После неожиданной битвы усадьба Линов вновь обрела спокойствие. Скоро наступил день, когда нужно было отправляться в Миссисипи. Если ехать по земле от Эдмонта до озера Энид, путь превышает 3500 километров. Даже с учетом того, что дорожные условия на данный момент значительно улучшились по сравнению с десятью годами ранее, путешествие займет как минимум месяц.Если выбрать водный маршрут, расстояние будет короче — чуть более 2800 километров. Путешествие на лодке по течению позволит сэкономить много времени и будет менее утомительным.``````htmlЭто гораздо комфортнее, чем объезд на лошадях с ночевками под открытым небом и пылью. На тот момент скорость пассажирских судов достигала 36 км/ч. Если арендовать пассажирское судно с двумя сменами, работающими без остановки, исключая время на дозаправку и возможное техническое обслуживание, путь займет не больше семи-восьми дней.Сравнив два варианта, Лин Ци Мин решительно выбрал второй. Он взял более тридцати охранников и вместе с Джеймсом Хауэллом за два дня и две ночи проехал на лошадях от Эдмонта до маленького городка Лома в Монтане. Там он потратил 5000 фунтов, чтобы арендовать среднее пассажирское судно, нанял дополнительный экипаж на месте и скакал день и ночь по реке Миссури.Группа наслаждалась красотой природы, следуя по реке. Три приема пищи готовил повар на корабле. Они пересекли Северную и Южную Дакоту и двигались вдоль границы Небраски и Айовы. Войдя в Миссури, они достигли Мемфиса, штат Теннесси, чтобы сойти на берег. Купив лошадей на месте, они мчались как можно быстрее и на шестой день прибыли в небольшой городок Кортленд, который находился всего в двадцати километрах от озера Энид.У них оставался еще один день до встречи с Гамильтоном, поэтому группа нашла относительно чистую гостиницу и остановилась на ночь. После хорошего отдыха они сели на лошадей и направились к месту, договоренному между ними — настоящему райскому уголку для рыбалки, расположенному в Y-образных водах озера Энид.Когда охранники проверили окрестности и убедились, что поблизости нет опасных зверей, они очистили участок у озера и убрали все шипы и траву. Вскоре после этого Лин Ци Мин установил удочку, как раз в тот момент, когда к ним медленно стали подходить люди.После того как охранники с обеих сторон подтвердили свою идентичность, они опустили оружие. Один из мужчин средних лет слез с лошади и подошел с удочкой. У него были золотисто-каштановые кудрявые волосы и выразительные черты лица, а линии его личика были четкими и жесткими. Глаза его были настороженными, а тонкие губы придавали лицу некую нотку недоверия.— Мистер Лин из Эдмонта, не ожидал, что вы приедете раньше меня!— Я Джефферсон Гамильтон Дэвис. Честно говоря, с тех пор как я прочитал ваше письмо, я не спал несколько дней. С одной стороны, я молился, чтобы тот, кто меня встретит, оказался лжецом, но с другой — жестокая реальность не позволила обмануть мое сердце, так что я пришел сюда сегодня.— Прежде чем мы углубимся, я хочу задать вопрос,

который беспокоит меня более полумесяца. Хотя он может показаться вам слишком наглым, я все же хочу его задать.— Насколько мне известно, у вас есть большая территория в Гане, и вы очень богатый и влиятельный землевладелец. Я не понимаю, почему вы волнуетесь об внутренних делах Мейлиджан, которые вас не касаются. Лин Ци Мин пожал плечами, положил удочку и протянул руку для рукопожатия.— Я не пришел рано, просто вовремя!— Мистер Гамильтон, если вы не против, давайте посидим и пообщаемся, пока ловим рыбу. Видите ли, моя удочка уже готова. Будет жаль, если не поймает несколько рыб! После этих слов он отпустил руку и велел охранникам принести два стула, отдав один Гамильтону. Два мужчины сели рядом, словно обычные рыбаки, общаясь друг с другом, но темы их разговоров, пока они ждали поклевки, были достаточно шокирующими, чтобы заставить многих аболиционистов содрогнуться. Лин Ци Мин смотрел на поплавок, но его истинное намерение состояло не в рыбалке. Он вел себя как древний стратег. Прежде чем пояснить свою цель, он использовал шокирующие слова, чтобы ошеломить собеседника, а затем применил этот шок и страх для передачи своего сообщения.— Соединенные Штаты будут независимыми от Британской империи и также погибнут под ее гнетом. Глаза Гамильтона расширились, а рот открылся от удивления. Прежде чем он успел возразить, Лин Ци Мин продолжил:— Вы думаете, что я пытаюсь вас напугать? Нет, я просто говорю факты.— Места рождения аболиционизма — это Европа, а Британская империя внесла в него наибольший вклад. Эта империя, на которую никогда не заходит солнце, пришла в упадок и потеряла множество колоний, таких как Соединенные Штаты.— После исчезновения крупных бизнесов, зависящих от рабов, или если хозяева рабов уйдут к новым звездам, таких как Соединенные Штаты, Британская империя, которая больше не имела интересов в этом регионе, будет щедро продвигать заблуждения некоторых эксцентричных идеологов, которые совсем не заняты, но в конечном итоге именно они не пострадают. Гамильтон стал внимательным, но вскоре нашел лазейку для контраргументации.— Даже если то, что вы говорите, верно, аболиционизм все равно сможет оказать определенное общественное воздействие. Хорошо, есть внутренние разногласия, но этого недостаточно для разрушения Соединенных Штатов. После его слов Лин Ци Мин покачал головой.— Нет-нет-нет, вы ошибаетесь, мистер Гамильтон. Если вы не можете убедить другую сторону политически, военный конфликт обязательно разразится. Капиталисты на Севере мечтают о многих рабах на юге.— Интересы могут свести людей с ума. Вы лучше меня понимаете национальные условия Америки, так что должны знать, правда ли это, что я сказал!— По сравнению с Севером, у которого более развита экономика, больше территории, большей стратегической глубины и больше талантов, юг оказывается в реальной невыгодной позиции. Если начнется война, вы безусловно окажетесь в проигрыше. Лин Ци Мин сделал паузу, чтобы Гамильтон мог лучше усвоить только что услышанную информацию. В этот момент поплавок на воде начал двигаться. Лин встал, чтобы вытащить рыбу. Он вел сопротивлявшуюся щуку длиной более метра из воды. Когда рыба оказалась на берегу, охранник рядом быстро снял крючок и положил щуку в корзинку, погрузив её в воду, чтобы предотвратить её гибель.— Мистер Гамильтон, я впереди! Лин Ци Мин снова нажал на наживку, забросил крючок на расстоянии и продолжил ждать следующую поклевку. Гамильтон даже не взглянул на рыбу в корзине. Он расстегнул первую пуговицу своей рубашки, выглядел нервным и, казалось, не мог нормально дышать.— Ладно, я сдался, Лин, перестань ходить вокруг да около. Даже если Север и Юг встанут на войну, вряд ли это будет война единства или обороны. Независимо от того, выиграет юг или север, Соединенные Штаты останутся Соединенными Штатами. Я по-прежнему не вижу, в чем заключается угроза существованию. Он был взволнован, действительно взволнован. Казалось, настало время действовать.``````htmlЛин Ци Мин больше не играл в игры, а предавался размышлениям о будущем Соединенных Штатов перед путешествием во времени. Он касался тем, способных шокировать: движения Black Lives Matter, Закона о правах меньшинств, эволюции прав женщин от равенства к привилегиям, изменений в структуре населения, еврейского капитала, контролирующего экономические артерии страны, антиеврейских законов — всё это было

основано на его собственных размышлениях.— Так вот, когда я говорю, что Америка погибнет, я не имею в виду, что сама страна исчезнет, а что дух и идеи, представляющие настоящую Америку, угаснут. Большинство людей, создавших эту страну, также исчезнет!— Представь, что потомки рабов, освобожденных аболиционизмом, окажутся неблагодарными и продолжат создавать проблемы, утверждая, что их предков эксплуатировали и поработали, что станет частью политической корректности.— Подумай ещё раз. С поддержкой белых левых и еврейского капитала у ваших потомков будет 97 гендеров... Чем больше Хэмилтон слушал, тем более уродливым становилось его лицо. В конце концов, его глаза налились кровью, и он выглядел так, словно готов был вцепиться в кого-то.— Замолчи, я сказал, замолчи! Хватит говорить!— Я готов сотрудничать с тобой. Скажи мне свои условия. Если они не противоречат национальным интересам и не антигуманные, я могу согласиться. Лин Цицзюмин улыбнулся с удовлетворением. Настоящая большая рыба, наконец, клюнула на приманку. Он указал на себя, открыв свои истинные намерения.— Я владелец плантации, у меня тысячи рабов на фермах и ранчо, поэтому я против аболиционизма! Кроме того, я всего лишь фермер и за последние десять лет достаточно пострадал от различных форм власти и целенаправленных административных указов. Я хочу стать тем, кто будет держать в руках власть!— До Гражданской войны в Соединенных Штатах осталось десять лет. Хэмилтон, тебе нужно ускорить свою карьеру в политике и стать временным президентом Юга до начала войны. Эти десять лет я планирую использовать для накопления богатства, создания новых вооружений и подготовки сильных элитных солдат. Дыхание Хэмилтона стало учащенным, и даже охранники рядом могли услышать, как стучит его сердце. Никто из политиков не откажется от шанса достичь вершин власти, особенно после того, как его уже «отмыли» идеологически; он искренне считал себя единственным спасителем Соединенных Штатов.— Если я стану временным президентом Юга, Лин, я не забуду о твоём вкладе. Будь то министр войны или госсекретарь, я готов рекомендовать тебя в кандидатуры. Лин Цицзюмин кивнул. Условия, предложенные оппонентом, были довольно искренними. На самом деле, эти высокие посты не были его главной целью, но каждая дорога начинается с первого шага. Лишь схватив возможность, он сможет достойно выбрать свою долю.— Приближается волна Миссисипи, и сегодня я осознал, кто я на самом деле!````